

л. толстой

РАССКАЗЫ

О

ЖИВОТНЫХ

ACADEMIA

1932

Л. ТОЛСТОЙ

РАССКАЗЫ

О

ЖИВОТНЫХ

ГРАВИРОВАЛ

В. ФАВОРСКИЙ

АКАДЕМИА

ПОЖАРНАЯ СОБАКА

Бывает часто, что в городах на пожарах остаются дети в домах и их нельзя вытащить, потому что они от испуга спрячутся и молчат, а от дыма нельзя их рассмотреть. Для этого в Лондоне приучены собаки. Собаки эти живут с пожарными,

и когда загорится дом, то пожарные посылают собак вытаскивать детей. Одна такая собака в Лондоне спасла двенадцать детей; ее звали Боб.

Один раз загорелся дом, и когда пожарные приехали к дому, к ним выбежала женщина. Она плакала и говорила, что в доме осталась двухлетняя девочка. Пожарные послали Боба. Боб побежал по лестнице и скрылся в дыму. Через пять минут он выбежал из дому и в зубах за рубашку нес девочку. Мать бросилась к дочери и плакала от радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали ее — не обгорела ли она; но Боб рвался опять в дом. Пожарные подумали, что в доме еще есть что-нибудь живое, и пустили его. Собака побежала в дом и скоро выбежала с чем-то

в зубах. Когда народ рассмотрел то, что она несла, то все расхохотались: она несла большую куклу.

ВОРОБЕЙ и ЛАСТОЧКИ

Раз я стоял на дворе и смотрел на гнездо ласточек под крышей. Обе ласточки при мне улетели, и гнездо осталось пустое.

В то время, когда они были в отлучке, с крыши слетел воробей, прыгнул на гнездо, оглянулся, взмахнул

крыльшками и юркнул в гнездо; потом высунул оттуда свою головку и зачирикал.

Скоро после того прилетела к гнезду ласточка. Она сунулась в гнездо, но, как только увидела гостя, зашипала, побилась крыльями на месте и улетела.

Воробей сидел и чирикал.

Вдруг прилетел табунок ласточек: все ласточки подлетали к гнезду — как-будто для того, чтобы посмотреть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робел, поворачивал голову и чирикал.

Ласточки опять подлетали к гнезду, что-то делали и опять улетали.

Ласточки не даром подлетали: они приносили каждая в клювике грязь и понемногу замазывали отверстие гнезда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки и все больше и больше замазывали гнездо, и отверстие стало-вилось все теснее и теснее.

Сначала видна была шея воробья, потом уже одна головка, потом носик, а потом и ничего не стало видно; ласточки совсем замазали его в гнезде, улетели и со свистом стали кружиться вокруг дома.

ЗАЙЦЫ

Зайцы лесные по ночам кормятся корою деревьев, зайцы полевые — озими и травой, гуменники — хлебными зернами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники — и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали, но трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только при-

ходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страху метаться из стороны в сторону. Проскачет вперед, испугается чего-нибудь — и побежит назад по своему следу. Еще услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — опять заяц повернется назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

На утро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далеким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить, — он только всего боится.

Заяц-русак жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводит усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыгнул раз — другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звезды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы притти

на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади, скрипели кресла в санях.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Изо ртов и носов их шел пар. Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли,

выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошел к гумну. Собачонка от обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям; зайца задержали субои, а собака на десятом прыжке завязла

в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошел к гумну. По дороге он, на зеленях, встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошел дальше. На деревне было все тихо, огни были потушены. Только слышался на улице плач ребенка в избе да треск мороза в бревнах изб. Заяц прошел на гумно и там нашел товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки, взобрался по крыше, занесенной снегом, на овин и через плетень пошел назад к своему оврагу.

На востоке светилась заря, звезд стало меньше, и еще гуще морозный пар поднимался над землей.

В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой, мужики несли корм с гумен, дети кричали и плакали. По дороге еще больше шло обозов, и мужики громче разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошел к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лег задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

ОРЕЛ

Орел свил себе гнездо на большой дороге, вдали от моря, и вывел детей.

Один раз подле дерева работал народ, а орел подлетал к гнезду с большой рыбой в когтях. Люди увидали рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать в орла камнями.

Орел выронил рыбу, а люди подняли ее и ушли.

Орел сел на край гнезда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орел устал и не мог лететь опять на море; он спустился в гнездо,

прикрыл орлят крыльями, ласкал их, оправлял им перышки и как будто просил их, чтобы они подождали немного. Но чем больше он их ласкал, тем громче они пищали.

Тогда орел отлетел от них и сел на верхний сук дерева.

Орлята засвистали и запищали еще жалобнее.

Тогда орел вдруг сам громко закричал, расправил крылья и тяжело полетел к морю.

Он вернулся только поздно вечером: он летел тихо и низко над землею, в когтях у него опять была большая рыба.

Когда он подлетал к дереву, он оглянулся, — нет ли опять вблизи людей, быстро сложил крылья и сел на край гнезда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орел разорвал рыбу и накормил детей.

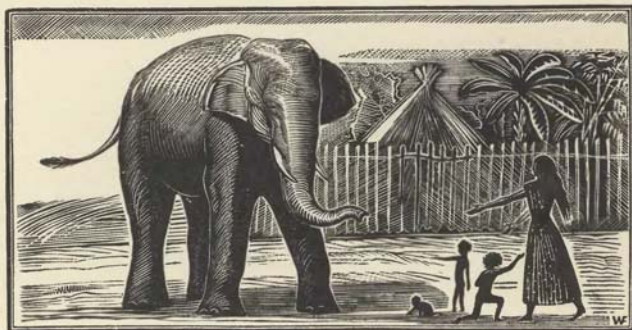

СЛОН

У одного индейца был слон. Хозяин дурно кормил его и заставлял много работать. Один раз слон рассердился и наступил ногою на своего хозяина. Индеец умер. Тогда жена индейца

заплакала, принесла своих детей к слону и бросила их слону под ноги. Она сказала: „Слон! ты убил отца, убей и их!“ Слон посмотрел на детей, взял хоботом старшего, потихоньку поднял и посадил его

себе на шею. И слон стал слу-
шаться этого мальчика и работать
для него.

АКУЛА

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный; с моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца кашитан вышел на палубу, крикнул: „Купаться“, и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был боченок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: „Не выдавай! понатужься!“

Вдруг с палубы кто-то крикнул: „Акула!“ — и все мы увидели в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

„Назад! назад! вернитесь! акула!“ — закричал артиллерист. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали еще веселее и громче прежнего.

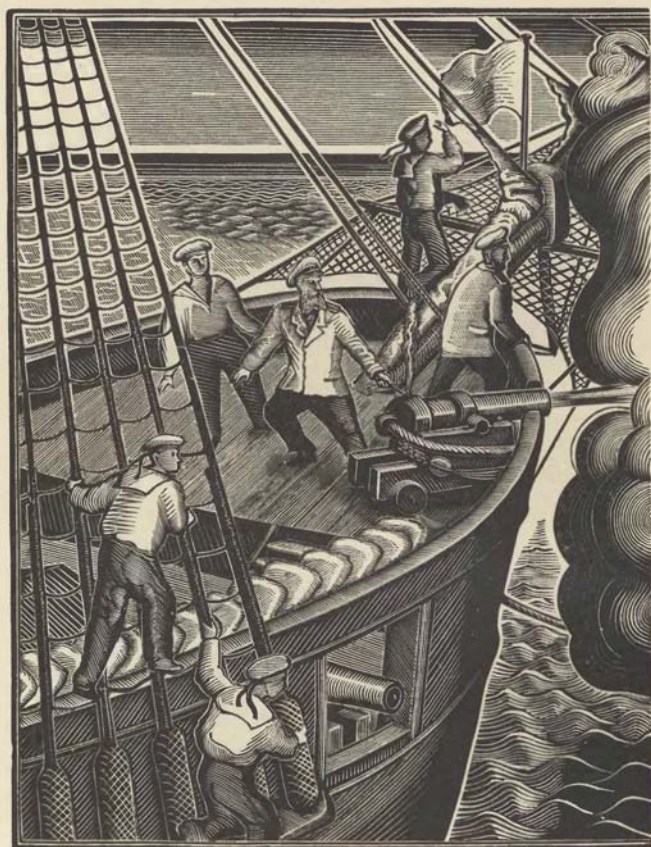
Артиллерист, бледный, как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

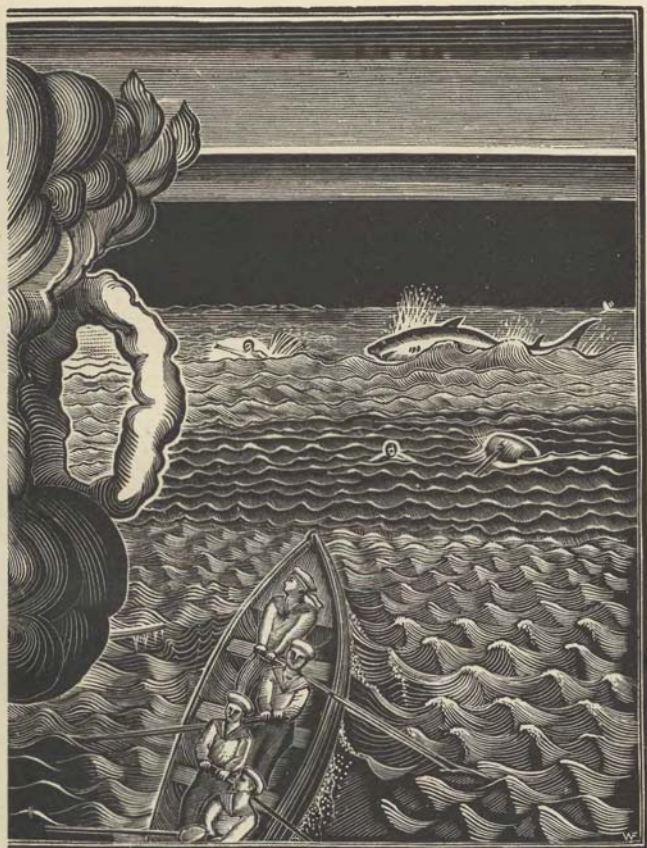
Матросы спустили лодку, бросились в нее и, сгибая весла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были еще далеко от них, когда акула уже была не дальше 20 шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы, но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как-будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилег к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиком мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошелся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот стал сильнее и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Ответственный редактор А. Тихонов.
Технический редактор М. Козлов.
Книга сдана в набор 10-И. Подписана
в печать 1/IV. Тир. 5.250 экз. Уполном.
Главлита Б-16320. Зак. тип. № 1630
„АС*м-1. Индекс А-с. Бум. Ст.-ф.
Бз 176×250. Печ. л. 2, авт. ³/₄ л.
Количество знаков 27.658. Отпечатано
на фабрике ГОЗНАК. Москва, 1932 г.

